

ГОРОД НАДО ПОСТРОИТЬ. Обжить. Населить своими друзьями. Поставить над ним памятник. Но этого все еще мало.

Надо написать песню. Таковую, чтобы прозвучали два первых такта, и ты увидел все переулочки, все комнаты, в которых бывал когда-то.

У Тбилиси есть такая песня. Мы родились, выросли, живем в Москве. Но, услышав «Садарис чагара Мтацминда», мы вспоминаем маленький горный трамвайчик, который тяжело подтягивается на канате, и пространство за окнами все прибывает...

— Скажите, как в Москве приняли фильм «Берега»?

Мы рассказали. «Московский комсомолец», в частности, назвал Отара Мегвинтухуцеси великим артистом.

Реваз Ильич несколько успокоился.

— Мы, знаете, так здесь волновались. Национальное искусство проходит важный экзамен перед всеююзным зрителем. Понимаете, здесь проявляется наша гордость. «Дата Туташиа», например, такой своеобразный эпос, где фольклорные мотивы сплетены с философским спором. Как делать добро, чтобы не обратилось оно злом?.. Хочется, чтобы всем стал дорог этот разговор — как он важен нам.

— Батоно Реваз, расскажите, а как вы впервые ощутили внимание всеююзного слушателя?

— Ну, это потом. Начнем с того, что я вообще не мечтал быть композитором. Стыдно признаться, но мой отец, бухгалтер на Закавказской железной дороге, вообще-то человек сдержанный, говорил:

— Что из этого шалопака может получиться?

Он заставлял меня учиться музыке, а я рыбу ловил; гонял в футбол, пропадая целыми днями. Увливал от этой музыки, как мог. И потом, когда он услышал мои песни, удивился:

— Рево, это ты?

Это и было мое первое признание. Вы скажете: у родного отца добиться признания легко, а для меня оно и сейчас дорого.

Как вы понимаете, все не пришло само собой. Все-таки победила меня музыка, хотя и не сразу. Хочется сказать чуть грустно: эх, ребята, вы не знаете цены своей молодости. Сколько времени я потратил зря! Три раза бросал музыкальную школу — мальчишки дразнились: «Вон скрипач идет!..»

А признание — что считать признанием? «Песню о Тбилиси»? Но я ее писал два часа. Что же, все остальное время не считается? Неправильно. Вернее, наверное, сказать, что писал я ее всю жизнь, а два часа только записывал.

— А вообще вы каждый день пишете музыку?

— Да что вы! Каждый день я живу. Преподаю — я заведу кафедру музыки и пения в Тбилиском педагогическом институте имени А. С. Пушкина. А музыку жду. Когда приходит время писать — это для меня праздник. В ожидании его у меня всегда где-то рядом нотная тетрадка и ручка.

Писать музыку — это как собирать урожай. А ведь труд земледельца шире. Знаете, у нас в горах люди землю обрабатывали, привязываясь веревкой, чтобы не упасть. Каждый клочок им был дорог. Вот у кого учиться надо.

Пусть не покажется вам чересчур гордым это сравнение музыкального труда с земледельческим. Тот труд важнее, но и без нашего нельзя.

Вот еще пример. Я в Тбилиси, вы знаете, не единственный и даже не самый популярный Лагидзе. На проспекте Руставели есть маленький магазинчик. Там продают только воду. Правда, с сиропом. В этом-то все и дело.

Магазинчик до сих пор носит имя Лагидзе. Не потому, что человек когда-то был его владельцем. Владелец давно забыли

Скотт в Англии. Слава Пшебыльска — и Нани Брегадзе...

— Ее я обожаю.

— А как вы вообще начали писать музыку?

— Надумил меня крупнейший знаток нашего фольклора, теоретик музыки Дмитрий Аракешвили. Было так. У нас в классе — квартет скрипачей. Я первую

лемая часть жизни народа. Это, конечно, общие проблемы, и школы в РСФСР, например, тоже стоят перед ними. Но для нас они все-таки важны как-то по-особому. У нас ведь все поют! И как... Может быть, у народа врожденное многоголосие?

Обратите внимание, как поют хотя бы наши мальчишки. Они же никогда вместе не начнут. Один раньше, другой позже, третий вклинится — и каждый будет вести свою партию. Каждый хочет себя показать. Хотите, назовите это хвастовством. Но ведь какое оно?! Самоутвердиться ты можешь только в общем строе и ладе, не портя песню, а украшая ее.

С другой стороны — в класс приходит не только «меломан», а педагог. Пошли в школу выпускника хоть самой консерватории! Что бы он там ни пел, а наши дети на головах будут ходить. Если, конечно, у него не врожденный педагогический дар, а это — дело редкое не только среди музыкантов.

Вам, видимо, знакома такая позиция: в России этими же «болезнями» болеют такие люди, как художник Неменский, академик Колмогоров и, конечно, Дмитрий Борисович Кабалевский.

— Но все-таки главное ваше дело...

— Все в жизни главное. Просто разумное — писать музыку. Потому и не разрешаю себе делать это подряд, буднично.

Представляете — вы не просто пишете музыку, а добавляете что-то к музыкальному богатству народа. Чего же должна стоить каждая ваша нота?

— А как вы относитесь к так называемым шлягерам? Ведь нельзя же отрицать, что они время от времени охватывают чуть ли не весь мир...

— Так я и не отрицаю. В современных ритмах есть иногда что-то, что действует как бы мимо эстетики, прямо на физиологию. Я бы привел сравнение, которое многие сочтут чисто грузинским. Такая автоматически захватывающая музыка действует вроде, знаете чего? Вроде крепкого спиртного. Чачи, например. Но каждое вино имеет свой эмоциональный смысл: для радости — игристое, для грусти — разные оттенки сухого. А водка — это вино отчаяния. Она глушит.

Из чего вино? Все понятно: из винограда. Но на самом деле — из градусов и солнца. И каждый, кто пробует его, выбирает, что ему нужно: один — градусы, другой — солнечный свет.

Еще раз извините, что я так сравнил искусство, но ведь и Маяковский, с которым мы односельчане — оба с берегов горной речки Ханис цкали, — говорил:

Вино и поэзия. И если ее
Хоть раз

по-настоящему
испили рты —
Ее не заменит
никакое питье,
Никакие пива,
никакие спирты.

Вот я так думаю о музыке. Потому и пишу.

Очень типичная, дружная тбилисская семья. Жена, Тинатин, логопед. («Других учит говорить, — шутит Реваз Ильич, — а меня молчать»). Сын — инженер, строитель. А вот входит вторая из дочерей. Лицо хозяйки светлеет:

— Лела. Она тезка оперы — или опера ее тезка? Не знаю...

Беседовали с Ревазом Ильичом Лагидзе

А. РИГИН,
В. ТИХОМИРОВ.

Тбилиси — Москва.

ПЕСНЯ НАД ГОРОДОМ

Экспресс-интервью
Воскресные МК
ВСТРЕЧИ

СЕГОДНЯ У НАС В ГОСТЯХ ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ГРУЗИНСКОЙ ССР, ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР, ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ ГССР ИМЕНИ ШОТА РУСТАВЕЛИ, ПЕРВЫЙ ИЗ КОМПОЗИТОРОВ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ КОМСОМОЛА ГРУЗИИ, НАРОДНЫЙ АРТИСТ ГРУЗИНСКОЙ ССР РЕВАЗ ИЛЬИЧ ЛАГИДЗЕ.

и правильно сделали. Но он был мастером. Слава его вод и сегодня сохраняется. Его иногда спрашивали: «В чем секрет ваших сиропов?» «Нет секрета», — отвечал он. И не обманывал. Просто он чувствовал — где, когда и какой сорт черешни надо сорвать. А где вовремя собрать груши.

Вот это и есть труд — когда душа вкладывается, а не когда заполняешь страницу за страницей нотными знаками. Ведь нет ничего проще, чем написать песню, — и нет ничего труднее, чем написать такую, чтобы ее запели.

Но мы не договорили о признании. Опера «Лела» получила премию в семьдесят седьмом году. Началось, пожалуй, с того, что познакомился с ней Тихон Николаевич Хренников.

Что ни говорите, а среди самых разных признаний и непризнаний очень важно «цеховое», чтобы твои собратья в тебя поверили.

Тетрадка гениального Николоза Бараташвили десятилетия пролежала так, никому не интересная, пока не увидел ее Илья Чавчавадзе. Да ведь и великий Пушкин сказал: «И славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит». Понимаете? Не просто читатель, а пиит...

Но, с другой стороны, был и успех на стадионе. Песню из кинофильма «В солнечном краю», снятого к 1500-летию Тбилиси, в исполнении сестер Чапичадзе передали в перерыве между таймами. Температурные, азартные тбилиские болельщики утихли. Это и была «Песня о Тбилиси», начинающая жить. Реваз Лагидзе сидел на одной из трибун. Ничем не отличался от остальных болельщиков. И даже слезы на глазах были не у него одного.

Потом ее пели везде. Иованна в Греции, Коллет Ренар во Франции, Джерри

скрипку играл. Шел классный концерт. К нему я три вещи сочинил: «Походная», «Кольбыльная» и «Восточный танец». Но это было утилитарно, для этого концерта, и все. Я и не думал ни о чем. А он услышал и сказал:

— Пиши!

С тех пор и пишу. Грузинскую музыку. Это не только такие-то мелодические интонации — это еще и психология народа. Начал я с романса «Жалоба» на слова нашего классического поэта Александра Казбечи. Но больше всего я написал песен с моим другом, замечательным поэтом Петром Грузинским. Он происходит из рода Багратиони. Но очень хорошо, что он не стал царем, — смеется Лагидзе, — а то не было бы у нас таких хороших стихов.

— Скажите, а что вам дает преподавание?

— Наш факультет готовит преподавателей музыки и пения для обычных школ. К нам приходят люди со средним музыкальным образованием — они в принципе уже могли бы преподавать в музыкальных школах до седьмого класса. А после нас, уже с высшим профессиональным образованием идут в простые школы.

Это крайне важно! Ведь сколько лет музыку и пение детям «нес» чуть ли ни кто угодно. К этому уроку, никто никогда не относился серьезно. А ведь это не только музыка — это единственный предмет, в котором у детей появляется эстетическая практика.

— А литература?

— Так ведь не учат писать стихи. Учат литературоведению. Вещь полезная, но ведь это не искусство. Вот и возникает впечатление, что искусством должен заниматься кто-то другой — певец, поэт, художник. Мы обращаемся к нему в лучшем случае по выходным.

А на самом деле искусство — неотъем-